

ВИКТОРИЯ ЕВГЕНЬЕВНА СТЕПАНЕНКО

аспирант, ассистент кафедры русского языка филологического факультета

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-3879-5243; nika-step@mail.ru

ПРОХИБИТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЗАПРЕТИТЕЛЬНЫХ УКАЗАХ ПЕТРА ВЕЛИКОГО 1713–1715 ГОДОВ

А н н о т а ц и я . Представлен лексико-грамматический анализ 40 синтаксических структур с семантикой запрета в пяти именных указах Петра Великого, связанных с темой казнокрадства. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения категории прохибитивных структур русского языка в аспекте исторической стилистики. Способы выражения запретительной семантики во многом зависят от жанра текста, а также от множества экстралингвистических факторов, в нашем случае – от исторической эпохи, личности и деяний государя-реформатора. Доказывается, что тематика и цель конкретного документа обуславливают выбор прохибитивных синтаксических структур и их функционально мотивированный репертуар. Исследуемые запретительные конструкции были распределены в соответствии с полевой структурой, где отмечены ядро, ближняя и дальняя периферии. Предпринята попытка восстановить причинно-следственную связь между интенцией автора и используемыми единицами. Делается вывод о том, что в эпоху кардинальных преобразований в именных указах Петра I активно использовались прохибитивные конструкции, во многом служившие более четкому выражению монаршей воли, а их вариативность отражала прагматику указного документа. Полученные результаты расширяют представление о способах выражения модальности в русском языке и имеют практическое значение для изучения истории деловой письменности и русского литературного языка в целом.

К л ю ч е в ы е с л о в а : деловая письменность XVIII века, Петровская эпоха, официально-деловой текст, именной указ, императивность, модальность, прохибитив, запрет

Д л я ц и т и р о в а н и я : Степаненко В. Е. Прохибитивные конструкции в запретительных указах Петра Великого 1713–1715 годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1. С. 42–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1264

ВВЕДЕНИЕ

Прохибитивность традиционно изучается как часть функционально-семантического поля императивности, разработанного в рамках теории функциональной грамматики А. В. Бондарко. Повелительность – часть модальных значений и отражает ту

«сферу модальных значений, где оказывается несущественным противопоставление достоверность / недостоверность, т. к. в нем силен признак потенциального, заключенный в преобразовании ирреального действия в реальное» [3: 60].

Для анализа императивности вводится термин «императивная ситуация» – типовая содержательная структура, в состав которой входят три элемента: субъект волеизъявления, субъект-исполнитель и предикат, отражающий действие, которое должно трансформироваться из ирре-

ального в реальное. Таким образом, императивность трактуется как языковое отражение желания говорящего изменить реальность, то есть вербально представляет точку зрения говорящего на действительность.

Прохибитивность является частью бинарной структуры «утверждения-отрицания». Однако семантическая тождественность утверждения и отрицания, отмеченная в повествовательных предложениях, не наблюдается в императивных [16], [17]. В связи с этим в прохибитивных предложениях «в сферу действия оператора отрицания входит все содержание предложения» [16: 210], а не только глагольный предикат. Широкое понимание этой категории отражается и в возможностях языка сконструировать многочисленные высказывания с семантикой запрета, которые были изучены ранее в исследованиях по теории речевых актов [7], в рамках типологи-

ческой лингвистики [15], методики преподавания русского языка как иностранного [2], а также с точки зрения исторического развития языковых способов разграничения прохибитивности и превентивности [9].

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОХИБИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ДЕЛОВОГО ТЕКСТА XVIII ВЕКА

Отмеченная семантическая неоднородность прохибитивности, обращение ученых к теории речевых актов указывают на то, что анализ подобных структур должен включать в себя учет не только лингвистических, но и экстралингвистических факторов текстообразования, таких как интенции автора и прагматическая цель. В таком случае интересно обратить внимание на тексты, созданные в период, когда были вербализованы множественные запреты, и на основе их анализа определить основные этапы развития категории прохибитивности в русском языке. Этим требованиям отвечают деловые тексты Петровской эпохи, так как первая четверть XVIII века – эпоха кардинальных преобразований, подробно зафиксированных в документах, а также часть периода формирования национального русского языка, то есть активный поиск языковых средств, описывающих новые реалии.

Среди этих текстов выделяются именные указы Петра Великого – указы, в написании которых неоднократно отмечено личное участие монарха [4], активно участвовавшего в языковой реформе того времени в целом и требовавшего от языка документов ясности, точности и простоты в частности [18]. Они широко распространялись по стране и не были жанрово однородны: содержание текстов в современном понимании может трактоваться как собственно указ, так и манифест или должностная инструкция. В связи с этим именные указы использовались как «инструмент, позволяющий монарху оберегать себя и свои интересы, а также реагировать на текущие, злободневные проблемы в государстве» [20: 55]. Важен и лингвистический аспект, обусловленный выполнением разнообразных государствообразующих функций: они были лишь частично формализованы из-за начального этапа развития функциональных стилей¹.

Для изучения категории прохибитивности из 1046 именных указов Петра Великого (согласно подсчетам М. О. Акишина [1]) особенно ценными представляются запретительные указы. Этот термин встречается в судебно-следственном делопроизводстве последних лет правления Петра I и обозначает тематически связанные между собой антикоррупционные указы 1714–1721 годов [12]. Несмотря на властное и авторитарное

правление императора, внутри страны наблюдалось резкое увеличение коррупции на всех уровнях, из-за чего снижалась налоговая платежеспособность населения, от которой зависела боеспособность армии. До правления Петра коррупция не воспринималась как преступление [19], в связи с чем можно предположить, что длительный период публикации указов одной тематики связан с попыткой не только поменять законодательную систему, но и воздействовать на мышление жителей страны.

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе анализа ряда работ историков и юристов [6], [11], [12] в качестве материала исследования было отобрано пять именных указов² 1713–1715 годов, имевших наибольшее влияние на формирование антикоррупционной деятельности. Два из отобранных указов³ исследовались в черном и белом вариантах. Предметом исследования стали прохибитивные конструкции, то есть конструкции с семантикой запрета (40 употреблений). При этом прохибитивность рассматривалась как лексико-грамматическая структура, в которой можно выделить ядро, ближнюю и дальнюю периферии, где ближняя трактуется как этап перехода от ядра к периферии. Гипотезой послужило предположение, что количество и разнообразие прохибитивных структур в запретительных именных указах связаны с тематикой текстов и личным отношением говорящего к описываемой проблеме.

Субъектом волеизъявления всех именных указов был Петр I, то есть они публиковались от имени правителя и им подписывались, при этом не во всех текстах это эксплицировалось, что уже было отмечено лингвистами ранее [5]. Субъектом-исполнителем являлось население всего государства, так как коррупция существовала на всех уровнях, однако не всегда экспликация субъекта-исполнителя сохранялась в белом варианте указа: ср. «Указ объявит **во всем государствѣ** и *Мы, Петръ Первый, царь і самодержецъ всеросійскій, і прочая і пр., і пр., объявляемъ симъ нашимъ указомъ*». Нерегулярная экспликация адресата обусловлена тем, что в Петровскую эпоху началась формализация делового документа и место адресата занимал формуляр, эксплицирующий адресанта сообщения.

Согласно исследованиям [7], [15], [16], [17], в современном русском языке ядро прохибитивности составляют глаголы несовершенного вида в повелительном наклонении с отрицательной частицей *не* в роли предиката. В ходе анализа прохибитивных конструкций в деловых текстах XVIII века было выявлено, что ядерной кон-

струкцией являлась неличная форма глагола (инфинитив) с отрицательной частицей *не*, а также эта конструкция в сочетании с интенсификаторами [14], что подтверждается и на отобранном материале:

«<...> также и уѣздныхъ людей въ города для справки жъ **не имать** <...>», «<...> то ему въ вину **не ставить** <...>».

В современном русском языке такие конструкции считаются периферией прохибитивности, однако стоит отметить их использование в современных регламентирующих официально-деловых текстах:

«В качестве традиций, норм и ценностей признаются, в частности, следующие: <...> В том числе, **не оказывать** неправомерное **воздействие** на универсантов (например, используя свое служебное положение, профессиональный или учебный статус, иные обстоятельства) для достижения любых целей <...> **не допускать** плагиата, контрафакции и иных нарушений интеллектуальных прав <...>»⁴.

Однако в запретительных именных указах в качестве наиболее частотных выделены сочетания интенсификатор + отрицательная частица *не* + инфинитив:

«<...> а самимъ **ни чѣм ни до кого**, также и въ дѣла клась о себѣ имѣющія, **отнюдь ни тайно, ни явно не касаться** под жестокиѣмъ штрафомъ, или разореніемъ и ссылкой <...>»;

«<...> и **никакого дѣла без оныхъ не дѣлать** <...>».

Выбор этих конструкций обусловлен тем, что любой указ Петра I выполнял пропагандистскую функцию и предназначался для чтения широким кругом лиц, что требовало тщательного отбора языковых единиц, понятных каждому адресату. Наличие интенсификаторов может быть связано, с одной стороны, с выраженной публицистичностью деловой письменности той эпохи [10], а с другой – с личностью Петра I, чью эмоциональность неоднократно отмечали историки. Это же подтверждает нагромождение прохибитивных конструкций ядра и периферии в пределах одного предложения:

«<...> а на ихъ мѣсто **выбирать** иныхъ людей **добрыхъ, и правдивыхъ** <...> токмо изъ дворянъ молодыхъ **не принимать**, и которые нынѣ **такіе есть, тѣмъ не быть, а быть не молодымъ, а именно отъ сорока лѣтъ и выше, кроме тѣхъ**, которые суть изъ купечества <...>».

Дальнейшие примеры представляют периферию прохибитивности, так как в них семантика запрета реализуется в контексте. Таким образом, примеры ближней и дальней периферии относятся к имплицитному способу выражения запрета, который был изучен ранее на материале анализа живой речи [8], [13].

Ближнюю периферию составляют конструкции, в которых значение запрета реализуется в контексте, а именно в семантической связи форм глаголов:

1) отрицательная частица *не* + деепричастие:

«В приказ Губернаторам, **не описався и не получая указа от Сената, не давать** ничего»;

«<...> и давать имъ въ платежѣ тѣхъ сборовъ отписи за своими руками во время платежа, в тѣхъ же селахъ и деревняхъ **тотчасъ не выѣзжая** <...>»;

2) отрицательная частица *не* + инфинитив (предикат придаточного цели):

«<...> **дабы не дерзали никакихъ посуловъ казенныхъ и съ народа собираемыхъ денегъ брать**».

В XVIII веке деепричастие показывало, что действие является добавочным и уже имеет значение обусловленности или временной соотнесенности (одновременности или предшествования) с основным действием. Следовательно, деепричастие в сочетании с отрицательной частицей *не* не могло самостоятельно обозначать действие, подвергавшееся запрету. В такой же семантической зависимости находится и предикат придаточного цели: он неразрывно связан с предикатом главного предложения посредством синтаксических отношений главной и придаточной частей сложного предложения. В подобных примерах формы глаголов связаны с императивными конструкциями, что позволяет реализовывать ослабленное императивное значение и выражать прохибитивность в сочетании с отрицательной частицей *не*.

Самой сильной зависимостью от контекстаобладают конструкции дальней периферии. В ней выявлены следующие конструкции:

1) ограничительная частица *только* / выделительная частица *именно* + существительное:

«<...> надобно изъяснить **именно интересы государственные** для выразумленія людямъ <...>»;

«<...> и имѣть оному **только два голоса**, а прочимъ по одному <...>»;

2) отрицательная частица *не* + второстепенный член предложения:

«<...> и къ покупкѣ и къ подрядамъ **призывать, объявляя всякихъ чиновъ людямъ не тайно** <...>»;

«**Тѣмъ же сборщикамъ, а не особымъ в уѣздахъ, на ослушникахъ, которые сами на указные сроки исправляться не будутъ, собирать и высылать рекрутъ** <...>»;

3) предлоги *кроме* / *без* + существительное:

«<...> **чтобъ всѣхъ преступниковъ и повредителей интересовъ Государственныхъ съ вымысла, кромѣ простоты какой** <...>»;

«<...> **подряды чинить въ Приказахъ и въ Губерніяхъ съ великимъ радѣтельнымъ осмотрѣніемъ, безъ всякихъ вымысловъ и безпосильно, ища Государственной прибыли безъ тягости народной** <...>».

Для того чтобы определить, какая конструкция дальней периферии отвечает за реализацию семантики запрета, необходимо произвести трансформацию структуры предложения без потери смысла, отобрав для этого ядерные конструкции. Второй пример из первой группы можно преобразовать в *не иметь больше двух голосов*, а первый пример из третьей группы – в *не чинить с вымыслом*. Предлоги *без, кроме* / частицы *именно, только* реализуют семантику отсутствия, ограничения или выделения в сочетании с существительными, которые являются частью императивной конструкции делового текста. Таким образом, в деловом тексте, предназначенном для регулирования отношений государства и общества, семантика отсутствия, ограничения или выделения становится частью имплицитного выражения запрета.

Некоторые конструкции были использованы в нескольких анализируемых текстах, что позволяет отметить элементы самоповтора: *кромѣ простоты какой; дабы впредь невѣдѣніем никто не отговаривался*. Дословное повторение отдельных конструкций или придаточных частей сложного предложения может быть связано с опосредованностью коммуникации между субъектом-исполнителем и субъектом волеизъявления делового текста. Если в речевом акте у субъекта волеизъявления есть возможности включить в коммуникацию невербальные средства или выбрать из арсенала языковых средств иной способ общения, чтобы стимулировать субъекта-исполнителя преобразовать ирреальное действие в реальное, то деловой текст является письменной фиксацией желания субъекта волеизъявления преобразовать действительность, где нет прямой коммуникации между субъектами и контроля над исполнением действия.

Интересно отсутствие модальных операторов *не надлежит, не надобно, не дозволено*. Модальные слова *надлежит* и *надобно* единично встречаются в сочетании с ограничительными частицами *только* и *именно*: *надобно изъяснить именно интересы государственные* и *надлежит только провѣдывать и доносить*. Также единично использовалось слово *запрещается*, в чьем лексическом значении заложен запрет: *того ради запрещается всѣмъ*

чинамъ. Можно предположить, что такой выбор связан с прагматической целью и тематикой указов – наиболее ясно, при этом подробно и аргументированно объяснить широкому адресату необходимость прекратить казнокрадство. Это подтверждается обилием предложений с придаточными причины, цели и условия, которые, однако, наблюдаются во всех указах Петровской эпохи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Именные указы Петра Великого изобилуют прохибитивными конструкциями в связи с целым рядом социальных и культурно-исторических причин: тексты создавались в эпоху реформ, требующих решительных и жестких мер. При этом особенно важными в исследовании этой категории представляются именные запретительные указы Петра I, которые насыщены прохибитивными конструкциями в связи с необходимостью изменить не только законодательные традиции, но и отношение жителей государства к коррупции.

Очевидное стремление Петра контролировать все возрастающую коррупцию, иные противоправные деяния граждан обновленной России доказывается лингвистическим анализом материала: отмечено усиление запрета посредством использования самоповторов и многочисленных интенсификаторов, а также конструкций эксплицитного (составляющие ядро и ближнюю периферию) и имплицитного (составляющие дальнюю периферию) выражения прохибитивности. Несмотря на то что были отобраны как регламентирующие (именной указ «О должности фискалов» в современном понимании интерпретируется как должностная инструкция), так и директивные документы (собственно указы, содержащие запреты), не жанр документа, а тематика текста обуславливает выбор прохибитивных конструкций. Таким образом, дальнейшее исследование запретительных конструкций в деловой (шире – государственной) коммуникации в эпоху кардинальных языковых и государственных преобразований позволит определить основные этапы развития деонтической модальности в деловой речи и дополнить имеющиеся сведения об истории русского литературного языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Серов Д. О. Фискальная служба и прокуратура России первой трети XVIII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2010. 58 с.
- ² Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. № 2673; Там же. № 2707; Там же. № 2786; Там же. № 2871; Там же. № 2877.
- ³ Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобития и иностранные источники. М.; Л.: Изд-во Акад. наук Союза ССР, 1945. С. 210–212, 332–335.

⁴ Кодекс универсанта Санкт-Петербургского государственного университета // Приложение к приказу от 03 октября 2016 г. № 7966/1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://spbu.ru/openuniversity/documents/kodeks-universanta?ysclid=mgjl39i5gr823503932> (дата обращения 12.07.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акишин М. О. «Общее благо» и государев указ в эпоху Петра Великого // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3 (21). С. 95–117.
2. Андрущенко Е. В. Выражение невозможности и запрещения в конструкциях со словами НЕЛЬЗЯ и НЕ: К вопросу о виде глагола в инфинитиве // Мир русского слова. 2017. № 1. С. 37–40.
3. Бондарко А. В. Вступительные замечания / Модальность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 59–67.
4. Воскресенский Н. А. Петр Великий как законодатель: Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 637 с.
5. Глотова С. А. Указ как основной распорядительный документ в высших органах власти XVIII в. // Вестник РГГУ. 2011. № 18 (80). С. 225–238.
6. Гринев В. П. Борьба Петра I с коррупцией в России // Управленческое консультирование. 2023. № 1. С. 100–106.
7. Иосифова В. Е. Побудительные высказывания, выражающие запрещение // Преподаватель XXI век. 2010. № 3-2. С. 278–283.
8. Кулькова М. А. Речевые акты, репрезентирующие коммуникативно-прагматический фрейм «запрет» в русских и немецких паремиологических текстах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2010. № 1. С. 45–47.
9. Мишина Е. А. Отрицательный императив в древнерусском языке // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2020. № 1 (23). С. 154–182. DOI: 10.31912/pvrgli-2020.1.9
10. Никитин О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): Лингвистические очерки. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2011. 266 с.
11. Прокопчук А. В. Антикоррупционная политика Петра Первого // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2018. № 4 (68). С. 116–122.
12. Редин Д. А. «Запретительные указы» Петра I в контексте российской экономики раннего Нового времени // История: факты и символы. 2021. № 4 (29). С. 125–133. DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-125-133
13. Россолова О. А. Коммуникативно-прагматические способы и средства репрезентации речевого акта запрета // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 4-2. С. 159–164. DOI: 10.37882/2223-2982.2020.04-2.30
14. Руднев Д. В. Прохибитивные конструкции в деловом языке XVIII // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 4 (111). С. 56–67. DOI: 10.22204/2587-8956-2022-111-04-56-67
15. Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. 301 с.
16. Храковский В. С. Прохибитивные предложения // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 210–212.
17. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2001. 272 с.
18. Черепанова О. А. Становление имперского сознания и языковая ситуация в XVIII в. // Язык и ментальность в русском обществе XVIII века / Отв. ред. В. В. Колесов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 37–84.
19. Черникова Т. В. «Обратная сторона» петровских реформ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20, № 1. С. 88–107. DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-1-88-107
20. Ютеева Л. Е. Понятие и место именных указов в законодательстве XVIII века, их значение в становлении и развитии абсолютизма // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 3 (14). С. 53–55.

Поступила в редакцию 01.08.2025; принята к публикации 10.11.2025

Original article

Victoria E. Stepanenko, Postgraduate Student, Assistant, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-3879-5243; nika-step@mail.ru

PROHIBITIVE CONSTRUCTIONS IN PETER THE GREAT'S PROHIBITIVE DECREES OF 1713–1715

Abstract. The article presents a lexical and grammatical analysis of 40 syntactic structures with prohibitive semantics found in five decrees issued by Peter the Great, aimed at combating corruption. The relevance of the research is determined by the need to study the category of prohibitive structures of the Russian language from the perspective of

historical stylistics. The ways of expressing prohibitive semantics largely depend on the genre of the text and various extralinguistic factors, in our case, on the historical period, the personality of the reformist monarch, and his actions. The hypothesis posited that the subject matter of each document determined the choice and diversity of prohibitive syntactic constructions. The selected prohibitive constructions were categorized according to a field structure, where the core, near periphery, and far periphery are marked. An attempt was made to reconstruct the causal relationship between the author's intent and the linguistic units employed. The study concludes that during a period of radical change, prohibitive constructions were actively used in Peter the Great's decrees to reinforce the monarch's decisions, and their variability reflected the pragmatic features of the documents. The findings expand our understanding of the evolution of modality in the Russian language and hold practical significance for the study of the history of business writing and Russian literary language as a whole.

Key words: eighteenth-century business writing, Petrine era, official business text, personal decree, imperative-ness, modality, prohibitive, prohibition

For citation: Stepanenko, V. E. Prohibitive constructions in Peter the Great's prohibitive decrees of 1713–1715. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(1):42–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1264

REFERENCES

1. Akishin, M. O. "Common good" and the monarch's decree in the era of Peter the Great. *Leningrad Legal Journal*. 2010;3(21):95–117. (In Russ.)
2. Andryushchenko, E. V. Expression of impossibility and prohibition in Russian word constructions with "NEL'ZJA" and "NE": revisiting the verbal aspect of infinitive. *World of the Russian Word*. 2017;1:37–40. (In Russ.)
3. Bondarko, A. V. Introductory remarks / Modality. *Theory of functional grammar: Temporality. Modality*. Leningrad, 1990. P. 59–67. (In Russ.)
4. Voskresensky, N. A. Peter the Great as a legislator: A study of the legislative process in Russia during the reforms of the first quarter of the XVIII century. Moscow, 2017. 637 p. (In Russ.)
5. Glotova, S. A. The decree as the basic order document in the higher organs of power in the XVIII century. *RSUH/RGGU Bulletin*. 2011;18(80):225–238. (In Russ.)
6. Gridnev, V. P. Peter the Great's fight against corruption in Russia. *Administrative Consulting*. 2023;1:100–106. (In Russ.)
7. Iosifova, V. E. Imperative statements expressing prohibition. *Prepodavatel XXI vek*. 2010;3-2:278–283. (In Russ.)
8. Kul'kova, M. A. Speech acts representing the communicative-pragmatic frame "prohibition" in Russian and German paremiologic texts. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 2010;(1):45–47. (In Russ.)
9. Mishina, E. A. The negated imperative in Old Russian. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2020;1(23):154–182. DOI: 10.31912/pvri-2020.1.9 (In Russ.)
10. Nikitin, O. V. Business writing in the history of the Russian language (XI–XVIII centuries): Linguistic essays. Moscow, 2011. 266 p. (In Russ.)
11. Prokopchuk, A. V. Anti-corruption policy Peter the Great. *Scientific Letters of Russian Customs Academy St. Petersburg Branch named after Vladimir Bobkov*. 2018;4(68):116–122. (In Russ.)
12. Redin, D. A. "Prohibitive decrees" of Peter I in the context of the Russian economy of early modern period. *History: Facts and Symbols*. 2021;4(29):125–133. DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-125-133 (In Russ.)
13. Rossolova, O. A. Communicative-pragmatic methods and means of representing the speech act of prohibition. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series "Humanities"*. 2020;(4-2):159–164. DOI: 10.37882/2223-2982.2020.04-2.30 (In Russ.)
14. Rudnev, D. V. Prohibitive constructions in the business language of the 18th century. *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*. 2022;4(111):56–67. DOI: 10.22204/2587-8956-2022-111-04-56-67 (In Russ.)
15. Typology of imperative constructions. St. Petersburg, 1992. 301 p. (In Russ.)
16. Khrakovsky, V. S. Prohibitive sentences. *Theory of functional grammar: Temporality. Modality*. Leningrad, 1990. P. 210–212. (In Russ.)
17. Khrakovsky, V. S., Volodin, A. P. Semantics and typology of the imperative. The Russian imperative. Moscow, 2001. 272 p. (In Russ.)
18. Cherepanova, O. A. The formation of imperial consciousness and the language situation in the XVIII century. *Language and mentality in the Russian society of the XVIII century*. (V. V. Kolesov, Ed.). St. Petersburg, 2013. P. 37–84. (In Russ.)
19. Chernikova, T. V. The "flip side" of Peter the Great's reforms. *RUDN Journal of Russian History*. 2021;20(1):88–107. DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-1-88-107 (In Russ.)
20. Yutyaeva, L. E. The concept and place of personal decrees in the legislation of the XVIII century, their role in the formation and development of absolutism. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*. 2013;3(14):53–55. (In Russ.)

Received: 1 August 2025; accepted: 10 November 2025